

СТАРОЕ И ВЕЧНО ЮНОЕ

шой сбор за все время гастролей. Успех был таким, что, я думаю, мы могли бы его играть ежедневно в течение нескольких месяцев. И пресса была еще более единодушна в своих положительных оценках.

ЗАЧЕМ мы ездим на гастроли? Читатель, наверное, недоуменно пожмет плечами: мол, каждому ясно. Да, да, конечно, искусство пролагает дорогу к сердцу народа, искусство завоевывает думы и привязанности людей, их доверие и любовь. Это главное. Но сегодня я о другом. О пользе гастролей для актерского ансамбля.

Вернувшись из Франции, где Малый театр принял участие в фестивале Театра наций 1962 года, я подумал о том, что гастролями в Париже мы проверили свои силы, проверили свое оружие — старое и вечно юное оружие сценического реализма, и решил написать об этом. Я внимательно следил за прессой. Пресса была большая, разная. В основном хорошая. Получить признание Парижа, его галерки и критики — нелегко.

Малый театр выбрал для Парижа два своих спектакля: «Власть тьмы» Л. Толстого, идущую с неизменным успехом уже почти шесть лет, и инсценировку повести В. Аксенова «Коллеги», поставленную в филиале Малого театра в конце прошлого сезона. Эти два спектакля и по содержанию и по форме противоположны друг другу и дополняют друг друга.

Время показало, что выбор был сделан правильно. Парижский зритель, как нам кажется, оценил не только качества обоих спектаклей, но и эту их противоположность, показавшую широкие и разнообразные возможности коллектива. В этих спектаклях были показаны и знаменитые наши актеры, и талантливая молодежь Малого театра. Именно благодаря выбору этих двух пьес парижане увидели, что в нашем театре живут и развиваются разные режиссерские тенденции, объединенные общим идейным устремлением.

Театр наций играет в здании Театра Сары Бернар, который находится в центре Парижа. Через мост на острове Сите — собор Парижской богородицы; в дни наших гастролей он стал фоном грандиозной театральной декорации. Здесь каждый вечер шло религиозное представление «Страстей Христовых». Его транслировали по радио, в нем участвовали все колокола Нотр Дам и около тысячи исполнителей. По вечерам окрестные переулки были наполнены ангелами с сигаретами во рту и чертами в красных трико — они гуляли «за кулисами». Грандиозные режиссерские замыслы Охлопкова, очевидно, давно были известны предпринимчивым парижанам и осуществлены на широкую коммерческую ногу, без особых театральных деклараций и манифестов.

Я не знаю в Париже места более интересного, чем площадь Шатле, где стоит театр Сары Бернар. Сам театр очень старый, весь пропитанный пылью, если не веков, то многих десятилетий.

Дисциплина за кулисами Театра наций не имеет никаких формальных признаков. Туда могут входить кто и когда угодно. Курят и на сцене и за сценой все на глазах у пожарников, которые тоже курят. Но работают все точно, слаженно, без лишних разговоров, без суеты — профессионально в высшем смысле слова.

Публика же парижских театров совсем не знает, что такое зрительская дисциплина. Места занимают во время действия. Создается впечатление, что прийти в театр одновременно — дурной тон. В начале спектакля в зрительном зале — страшный скрип старых кресел, шум стоит невозможный. И тем дороже становится воцарившаяся, наконец, полная тишина. Зал захвачен действием. Зал тяжело дышит, хохочет, замирает, раздражается аплодисментами.

На премьере «Власть тьмы» зал был великолепен. Цвет парижской интеллигенции: политические и общественные деятели, писатели, артисты, режиссеры, критики. Прием горячий, можно сказать, восторженный.

Вся пресса — и левая, и консервативная — на другое утро поместила на «Власть тьмы» хвалебные рецензии. В положительной оценке спектакля, актерской игры, постановки и декораций сошлись газеты всех направлений. Общее мнение газет и зрителей: хорошо! Приведу некоторые выдержки из рецензий. Советую посмотреть «Власть тьмы» всем, кто интересуется, что происходит «по ту сторону нашей границы», критик газеты «Комба» пишет: «Они увидят восхитительную труппу актеров, из которых самый маленький — большой актер, где декорации и постановка составляют спектакль, один из самых лучших, что показал нам Театр наций в этом году... Актеры играют «Власть тьмы» в реалистическом стиле, который соответствует реализму пьесы... Они делают этот реалистический стиль стилем благородным, простым и достигают величия игры искренностью без пафоса и человечностью без ухищрений».

Рецензент газеты «Орор» Г. Жоли сравнивает «Власть тьмы» в Малом театре с прежними парижскими постановками. С большой похвалой отзывается он о мизансценах Бориса Равенских, декорациях Бориса Волкова, музыке Николая Будашикина, составленной из народных мелодий и деревенских песен, о простой правде актерского исполнения в спектакле, «который полностью воскрешает перед нами крестьянскую святую Русь, погруженную во тьму невежества и страха, где все же постоянно теплится маленький свет жалости и надежды».

Самый крупный «кит» парижской театральной критики Жан-Жак Готье посвящает в «Фигаро» серьезный и по своему аргументированный, но парадоксальный разбор: «...Здесь все, что составляет гений нации. Работа, которую показывает труппа Малого театра, обладает самым высоким качеством, если можно сказать, таким качеством, что за это можно даже критиковать...»

Надо сказать, что среди авторов критических статей были и такие, для которых пьеса оказалась наполненной только адюльтерами, отравлениями и дебилизмом, а не тем высоко нравственным содержанием, которое отличает творчество Льва Толстого. Истинное содержание «Власти тьмы», ее нравственная направленность осталась для многих непонятой.

Но я не собираюсь в этой статье полемизировать с парижскими критиками и только, к своему великому сожалению, прихожу еще раз к обидному выводу: как мало еще знают за рубежом нас, нашу жизнь, нашу литературу, и современную и прошлую. Мы не привыкли отмахиваться от критики, особенно если в этой критике можно найти справедливость, здравый смысл и знание дела. Если с ней и не во всем соглашаешься, то кое над чем стоит задуматься. В критических замечаниях по адресу нашей «Власти тьмы» доминировал упрек в излишней традиционности и даже «оперности» спектакля.

Жан-Жак Готье в «Фигаро», после восторженного признания великолепных качеств спектакля, говорит: «Первый

Борис БАБОЧКИН,
народный артист РСФСР

□ □

техники — излишняя традиционность. Это «безупречно» без неожиданности и редкости. Второй упрек более серьезен. У меня было впечатление, что я присутствую на опере. Все так величаво, так благородно, так пышно, что эмоции тонут в помпезности и масштабах... То, что происходит в драме, — отвратительно, а спектакль так отполирован, что забываешь о звучании страшных вещей».

Могут добавить уже со своей стороны, что в известной степени эти же самые упреки звучали в адрес постановщика спектакля пять лет назад, когда художественный совет Малого театра принимал и обсуждал спектакль. Сценическая жизнь спектакля опрокинула эти опасения. Что же касается стремления к излишней помпезности в наших спектаклях вообще, то в этом грехе нужно чистосердечно признаться. Это стремление к роскоши и помпезности, оставшееся нам в наследство от не так давно ушедшего времени, вместо того чтобы тихо удалиться в прошлое вместе с временем, это стремление породившим, все еще иногда замедляет поиски подлинной художественности.

Большой разговор о проблемах советского театрального искусства возник и по поводу второй нашей работы, показанной в Париже. До сих пор Париж был знаком в основном с русской классической драматургией: Московский художественный театр и театр имени Вахтангова показали парижанам Чехова и Достоевского. Правда, Ленинградский театр имени Пушкина играл здесь героическую эпопею В. Вишневского «Оптимистическая трагедия», а вахтанговцы «Иркутскую историю».

Играя «Коллег», театр как бы взял на себя смелость говорить с посторонним о чем-то очень своем, очень сокровенном. И мы все отчаянно волновались: не покажется ли парижскому зрителю тема спектакля, его материал, его пафос и откровение чем-то чужим и далеким?

На самом деле все обстояло проще. Спектакль понравился. Он шел в Париже с немалым успехом, чем в Москве. Оказалось, что он почти понятен французам, даже если бы шел без перевода. Мне говорили многие потом, что «Коллеги» оказались для них приятной неожиданностью.

21 июня, когда «Коллеги» шли в последний раз, они сделали самый боль-

упрек, который можно адресовать ансамблю представления в смысле его

речь ежедневно в течение нескольких месяцев. И пресса была еще более единодушна в своих положительных оценках.

«Новое советское поколение» — так называлась статья в «Юманите». «Пьеса Аксенова и Ставаго — неоценимый документ о сегодняшнем дне Советского Союза», писала газета. — Прежде всего — документ театральный. Что спектакль больше похож на отрывки романа, чем на пьесу в собственном смысле слова, что диалог, пожалуй, слишком много словен, что некоторые ситуации кажутся слишком условными, что некоторые события только намечены — все это очевидно. Но в «Коллегах» есть прежде всего очень интересные поиски, которые свидетельствуют о желании освободиться от сценического конформизма, найти новые средства сценической выразительности: простой, яркий, освобожденный от всяких шаблонов язык... И есть — это самое важное — документ о современном этапе советского общества».

Интерес к «Коллегам» признает и газета «Комба»: «После «Власти тьмы» артисты московского Малого театра в «Коллегах» показали новый образец своего репертуара и новый аспект своего таланта».

В рецензии на оба наши спектакля, напечатанной в «Франс-обсерватер», Клод Сарро писал по поводу представления «Коллег» в Театре наций: «Сюда идешь с интересом туриста... Это большое преимущество Театра наций: заменить авиабилет на билет в метро. Таким образом мы узнали, что происходит в СССР...»

В этих словах рецензента есть большая правда. Ежегодный фестиваль действительно дает возможность французам и многочисленным туристам ознакомиться с театрами почти всего мира. Организация в Париже Театра наций — дело чрезвычайно интересное, большое и прогрессивное. Об этом говорили все, говорили уже много раз. Я хочу только добавить, что это дело полезное. Полезное в самом истинном значении слова, по самому большому счету. И мне кажется, полезным было и то, что критика не была однородной. Она помогла нам во что-то окончательно уверовать, что-то проверить и заново пережить.

У нас есть все основания считать, что наши спектакли имели наибольший успех на фестивале Театра наций. Много новых и ярких впечатлений получили мы в Париже. Многие из них нужно обдумать, многие еще не осуществленные планы — осуществить.